

Актан АБДЫКАЛЫКОВ:

«Мы подавляем разумом природу»

Актан Абдыкалыков – киргизский режиссер, сценарист, художник и продюсер. В 1980 году окончил Кыргызское государственное художественное училище. Начал снимать кино в конце 80-х. Первый фильм – “Безжала собака” (1990, короткометражка). В 90-х снял три короткометражные и четыре полнометражные картины. Призер международных кинофестивалей. Народный артист республики Кыргызстан. На Западе и у нас хорошо известна “трилогия” Абдыкалыкова: “Селькинчек” (“Качели”, 1993), “Бешкемпир” (“Пять старух”, 1998) и “Маймыл” (“Обезьяна”, 2001) – фильмы о детстве, отрочестве и юности. Героя каждого фильма играет сын автора – Мирлан Абдыкалыков. Сам режиссер предпочитает называть трилогию – “триптихом”, очевидно, имея в виду, что снимает не столько драматические произведения, связанные единым замыслом, сколько цельную живописную композицию. С этим трудно спорить. Фильмы Абдыкалыкова всегда хвалят за художественность, пластичность киноизображения и прекрасную операторскую работу (постоянный оператор Актана Абдыкалыкова – Хасан Кыдаралиев), в то время, как драматургия порой вызывает вопросы. Тем не менее на Десятом Открытом фестивале кино стран СНГ и Балтии “Киношок” фильм “Маймыл” получил Приз за “Лучший сценарий в полнометражном кино”.

– Ваш фильм попал и в конкурсе “Киношока”, и на кинотелефестиваль в Ялте, на котором, кстати, получил Главный приз. Как это произошло?

– С “Киношоком” у меня был договор. Но я не учел, что Конфедерация Союзов проводит свое мероприятие в одно время с “Киношоком”. Они просили “Маймыл” на Форум стран СНГ и Балтии, я отказал, и отказаться от Ялты было бы совсем некрасиво. Я согласовал это и с отборщиком “Киношока” Сергеем Землянухиным, и с Ялтой. Говорят, что я подал плохой пример для других. Надеюсь, это не так.

– В производстве “Маймыла” участвовали четыре страны. Почему? Какова доля каждой страны?

– После “Бешкемпира” появились люди, готовые поддерживать мои проекты. “Маймыл” продюсировала Франция – более 70 процентов, Япония – 10 процентов, Швейцария и Италия – в лице Тонино Гуэрра. У нас это еще не стало порядком вещей. Но на Западе бюджет независимого кино именно так и формируется. Думаю, это наиболее подходящая форма финансирования для малых национальных кинематографий. У республики Кыргызстан, к сожалению, сейчас нет возможности финансировать большие проекты целиком. Владельцами “Маймыла” являются французы и японцы. У нас тоже 10 процентов, но по сути, это подарок от западных коллег. Мы вкладывали только нашу энергию, азарт и технические возможности.

– Хорошо ли прокатывался “Бешкемпир” и где?

– Почти во всем мире. Но не говорите “О!”. Это были демонстрации “клубного”, “арт-хаусовского” порядка. “Бешкемпир” имел два кинотеатра в Париже, один в Нью-Йорке. Фильм полностью окупил себя и дал возможность снимать “Маймыл”.

– Вы назвали студию “Бешкемпир”, потому что фильм оказался счастливым?

– “Бешкемпир” – “Пять старух” – хранительницы судьбы человека. Мы хотели, чтобы “пять старух” охраняли нашу студию. В Киргизии “Бешкемпир” имел колоссальный успех. Возможно, потому, что он воспринимался, как фильм, отражающий менталитет киргизского народа. Но системного проката не было. Небольшой коммерческий прокат был лишь в Бишкеке. Мы отпечатали две копии фильма, и возили их по всему Кыргызстану, пока они не растрепались. Кроме того,

показали кино по телевидению. Качество изображения, конечно, терялось, но нам было важнее продемонстрировать зрителям, что кино снимается и сегодня. С “Маймылом” пока непонятно. Кинотеатры сохранились только в больших районных центрах. Мы хотим попробовать в Бишкеке настоящий прокат, с билетами. Вряд ли мы заработаем. Билеты стоят копейки, но мы хотим создать прецедент. Это уже есть в России, в Казахстане и в Узбекистане. Но там есть рынок. А нас всего пять миллионов, да и киргизское кино – самое молодое на бывшем советском пространстве.

– Сколько фильмов выходит сейчас в Киргизии?

– В среднем одна картина в два-три года – примерно столько же, сколько производилось в конце 50-х – начале 60-х годов, когда зарождался телерешный “Кыргызфильм”.

– Значит, в Ялте и на “Киношоке” у вас не было конкурентов?

– Конкурентом “Маймылу” был “Брат мой, шелковый путь”. Но две ленты – не конкуренция. Мы пытаемся давать наши фильмы на разные фестивали, чтобы киргизское кино было хотя бы на слуху.

– Тонино Гуэрра сам предложил участие в проекте?

– После “Бешкемпира” продюсеры предложили, чтобы участие в написании сценария принял кто-либо из “вне”. И назвали Тонино Гуэрра. Я был очень рад, хотя стесняюсь классиков, не знаю, как себя с ними вести. Но с ним было очень комфортно. Меня поразили его слова: “Если я в состоянии тебе помочь, я готов с тобой работать”. Он проявил этикет, которому мы должны учиться. Большинство моих коллег обвиняют меня как раз в том, что я не умею писать сценарии. Возможно, они правы. Часто я работаю, разрушая сценарий. Пишу одно, снимаю другое. Мы встречались с Гуэрра трижды. Он высказывал мне-

ние о написанном, развивал мои мысли, мои посылы: был, скорее, редактором и консультантом. Нельзя сказать, что Гуэрра придумывал конкретные эпизоды, но его присутствие есть во всех сценах “Маймыла”.

– “Бешкемпир” называют деревенским фольклорным фильмом. Действие “Маймыла”, напротив, – происходит в городе. С чем связан переход от “сельской” эстетики к “городской”?

– “Фольклор” – не совсем точно. Это сугубо национальная картина. Она, надеюсь, имеет корни, показывает традиции, но специально фольклором мы не занимались. Сейчас деревня живет, как показано в “Бешкемпире”. Возможно, ощущение фольклорности возникает потому, что я фильм не бытовизировал, а пытался превратить в метафору. Отсюда – изолированность. Если говорить о “Маймыле”, я подумал, что тему юности лучше развивать на фоне городской фактуры. Дальше от природы, ближе к социуму. Герой ведь не Маугли. Молодой человек не может быть изолирован от жизни, от цивилизации так, как ребенок, не может позволить себе столь сильную степень приближенности к природе. В идеале ребенок должен расти в деревне, научиться ощущать землю, людей, традиции. Это может послужить трамплином для взрослой жизни, у этой жизни другие законы, и ей надо отдавать те чувства и силы, которых набрался в детстве на вольном воздухе.

– Я думала, “Маймыл” – фильм о современности. Несмотря на то, что персонажи слушают виниловые диски с музыкой 70-х. Аппаратура – не признак времени в советском кино. Но потом, когда появились военные в советской форме, я засомневалась. Какое это все-таки время?

– Это время нашей юности, 70-е. Но мы не хотели восстанавливать время в деталях. И о современности делать кино тоже не хотели.

Было важнее показать безвременный промежуток, рассказать о человеческой душе. Когда говоришь о становлении личности, мне кажется, упор надо делать на то, кто тебя окружает. Возможно, я из тех счастливых людей, которые не испытывали на себе политического давления времени. Поэтому я привык больше реагировать на внутреннее состояние человека.

– В книге “Кино советской Киргизии” я прочла, что обращение к современности началось в киргизском кино лишь в начале 70-х. Сейчас – XXI век. Но получается, что 70-е, по инерции что ли остались любимым временем вашего национального кино. Вы боитесь реальности? Ну, хорошо... Если в фильме нет портретов вождей, мы определяем время по одежде. А у одной из героинь “Маймыла”, Зины, такое модное платье и белье – супер!

– Мы были не в состоянии так костюмировать актеров, чтобы проконтролировать их белье. Но мне приятно, что вы это заметили. Думаю, такие вещи заставляют зрителя интенсивнее вращать мозгами. Или – будить неудовлетворенность. Но в то же время кино должно быть ненавязчивым.

– Ваши фильмы, правда, назойливыми не назовешь. Но порой кажется, что вы перегибаете палку. “Маймыл” иногда производит впечатление самоунижения, которая, как известно, “паче гордости”. Симпатичный паренек, умный, глазки хорошие, а его зовут Маймыл – Обезьяна. Фильм заканчивается словом “ДУРАК”. Почему? Кто дурак? Автор? Зритель? Герой? Конечно, это ирония... Но она оформляется в навязчивость иного порядка.

– Мы не придали значения этому слову.

– Но в кино ничего не пропадает зря. В финале на стенке, на фоне которой идут титры, во-от такими буквами нацарапано “дурак”. Не захочешь – споткнешься.

– Когда я называл картину “Обезьяна”, я не имел в виду, что герой – “гадкий утенок” – к финалу становится изящной птицей. Перестает быть природным “первобытком”. Он просто хочет стать человеком. В фильме его всего дважды называют “маймылом”, и он, подходя к зеркалу, видимо, задает себе вопрос, насколько он обезьяна. Я хотел подчеркнуть, неважно, как тебя дразнят, важно, чтобы ты ощутил внутренний стержень.

– Почему обезьяна? Обезьянами дразнят уродцев, кривляк, подражателей?

– А вы знаете, что у китайцев и японцев обезьяна считается самым мудрым животным? Я хотел сделать героя более подвижным и озорным. Но не получилось, и я не жалею. Паясничанье стало бы штампом. Герой хочет стать более умным, менее душевно ленивым.

– Поэтому в “Маймыле” столько зверей?

– Мы должны уметь, но не терять “животного” начала. Инстинкты дают возможность тоньше чувствовать жизнь. Правильнее реагировать на реальность. Мы слишком подавляем разумом природу.

– Вы считаете, что детство – безпроблемная, безоблачная пора?

– Нет, думаю, самая трудная. В “триптихе” я старался это показать. Мои герои – люди, которые страдают. Чтобы человек был полноценным, он должен многое пережить. Мне хотелось, чтобы к концу фильма становилось понятно, что герой готов к следующему этапу. Юность – не гармония, а томление души. Мне, например, хотелось повеситься, казалось, что я никому не нужен в этом мире. Но опыт не приводит к пессимизму, скорее наоборот.

– Вы будете дальше наблюдать за героем?

– Нет. Пусть подрастет. И я тоже хочу отвлечься, и подал заявку на фильм без сценария. Она поддержана моими продюсерами. Возьму камеру, уеду в горы, буду наблюдать за жизнью. Попробую спонтанное кино, когда есть объектив и есть поток жизни. Возможно, буду снимать цифровой камерой. Это неограниченное количество материала плюс мобильность. На Западе есть такие прецеденты – Вим Вендерс, Ларс фон Триер.

– Станете отшельником?

– Да, примерно на год. Обо мне уже писали – “Отшельник – форма жизни”. Я люблю погружаться в какую-то среду, у меня нет актеров, все непрофессионалы. Иногда меня сравнивают с Франсуа Трюффо. С Сатьяджитом Реем, с Аббасом Киаростоми. Ну, Трюфо так Трюффо. Однако мне кажется, что я делаю абсолютно абдыкалыковское кино.

Беседовала Евгения ЛЕОНОВА